Г. ВЫТЖЕНС

НЕМЕЦКИЕ ПЕРЕВОДЫ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА

(По фондам венских публичных книгохранилищ)

Уже в течение XVIII в., главным образом в последнюю его четверть, целый ряд произведений русской литературы был переведен на немецкий язык. Эти ранние переводы публиковались в Петербурге и Риге, т. е. на территории Российской империи, но некоторые из них вышли и в Германии: в Берлине, Вене, Аугсбурге и Бреслау. Изучены они, однако, мало, библиографически зафиксированы весьма неудовлетворительно. Статья известных немецких русистов Эриха Беме и Артура Лютера перечисляет далеко не все, относящееся к данной области.[1] Так, например, недавно Э. Хексельшнейдером и мною был найден вышедший в Вене в 1787 г. первый немецкий перевод «Недоросля».[2]

В нашей статье, посвященной памяти крупнейшего знатока русской литературы XVIII в. и ее международных связей, ученого, который вместе с тем был и образцовым библиографом, мы хотели бы остановиться на некоторых малоизвестных или совсем неизвестных переводах из русской литературы XVIII в. Особый интерес для истории немецко-русских литературных взаимосвязей представляют предисловия и посвящения, сопровождающие иногда эти издания.

Не касаясь известного первого перевода сатир Кантемира, сделанного не с русского подлинника, а с французского пере-

---

[1] Boehme E., Luther A. Frühe deutsche Übersetzungen aus dem Russischen. — Philobiblon, Jg. VI, 1933, H. 8, S. 277—286; H. 9, S. 349—363. — Из этого крайне редкого журнала данная статья была перепечатана в журнале «Neue Gesellschaft» (I, 1948, H. 3, 5/6). Статья А. Лютера в парижском «Временнике Общества друзей русской книги», касающаяся, по-видимому, нашей проблемы, мне была недоступна.

[2] См.: Хексельшнейдер Э. О первом немецком переводе «Недоросля» Фонвизина. — В кн.: XVIII век. Сб. 4. М.—Л., 1959, с. 334—338; Wytrzens G. Eine unbekannte Wiener Fonwisin Übersetzung aus dem Jahre 1787. — Wiener slawistisches Jahrbuch, Bd. 7, 1959, S. 118—128.

вода, остановимся на ранних переводах Сумарокова. О трагедии «Семира» имеется коротенькая заметка в статье Беме—Лютера. В венских библиотеках это редкое издание представлено дважды: оно входит в собрание пьес 1762 г.[3] и в 298-й том условно так называемой «Theaterbibliothek Schikaneder».

В журнале Готшеда «Новости изящных наук»[4] мы находим перевод оды Сумарокова, сделанный Остервальдом.[5]

Дитрих-Тимофей Остервальд,[6] который после 1760 г. стал воспитателем и преподавателем будущего царя Павла I и дослужился до чина сенатора и тайного советника, известен историкам русского театра как член труппы кадетов, которая под руководством Сумарокова играла при дворе.[7] Более чем правдоподобно, что Остервальд был одним из участников премьеры (21 декабря 1751 г.) переведенной им через десять лет «Семиры». Тогда окажется, что ранние переводы из Сумарокова сделаны человеком, хорошо знакомым с автором. Остервальд владел немецким стихом неплохо. По крайней мере в «Семире» он стремился сохранить размер и рифмовку подлинника.

В библиотеке Венского университета удалось обнаружить еще один перевод произведения Сумарокова, вышедший отдельным изданием. В 1772 г. в Риге появилась книга «Der erste und wichtigste Aufstand der Strelitzen in Moskau, im Jahre 1682 im Maymonate. Aus dem Russischen des wirklichen Etats-Raths und Ritters, Hrn. Alexander Sumarokows übersetzt von Ai., bey Johann Friedrich Hartknoch». Это перевод вышедшей четырьмя годами ранее книги «Первый и главный стрелецкий бунт, бывший в Москве в 1682 году в месяце майи». Кто скрывается под криптонимом Ai, не удалось установить.

Рижское издательство Харткнох сыграло в истории немецкой культуры очень значительную роль, ведь в 1781 г. именно там была опубликована одна из самых замечательных книг немецкой литературы «Критика чистого разума» Канта. Харткнох же издавал книги И. Г. Гердера и И. Г. Гамана. Отметим, что к русским авторам, издаваемым Харткнохом, принадлежали еще Ломоносов и Карамзин. Уже в 1768 г. в Риге вышла «Древняя российская история» («Alte russische Geschichte von dem Ursprunge der Russischen Nation bis auf den Tod des Grossfürsten Jaroslaws der Ersten»), вслед за ней в 1771 г. Харткнох выпустил «Краткий летописец» («Kurzgefasstes Jahrbuch der russischen Regenten.

---

[3] Schauspiele. Breslau, 1762, 86 S.

[4] Das Neueste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit, 1757, № 12, S. 946—951.

[5] Об этом стихотворении Сумарокова, не опубликованном на русском языке, и о русских материалах в журнале Готшеда см.: Гуковский Г. А. Русская литература в немецком журнале XVIII века. — В кн.: XVIII век. Сб. 3. М.—Л., 1958, с. 400—403.

[6] О нем см.: Русский биографический словарь. Обезьянинов—Очкин. СПб., 1905, с. 404. — Его переводы здесь не упомянуты.

[7] См.: Ф. Г. Волков и русский театр его времени. Сборник материалов. М., 1953, с. 81. — Дитрих Остервальд тогда был еще капралом.

Neue verbesserte Auflage»).[8] Одной из первых книг, которые Харткнох издал после перенесения своего предприятия в Лейпциг, был известный перевод «Писем русского путешественника» (6 частей, 1799—1802).

Вернемся, однако, к «Стрелецкому бунту» Сумарокова. Чем можно объяснить публикацию немецкого перевода? По-видимому, тем, что Петр I и события, так или иначе связанные с его правлением, вызывали в Германии исключительный интерес. Существует, например, целый ряд немецких литературных произведений XVIII в. с «петровской» тематикой.[9]

Неудивительно, что и сочинений Екатерины II переводилось и публиковалось довольно много. Немецкие переводы своих сочинений заказывала сама императрица, они сначала печатались в Петербурге, а потом — в Германии. Ревностным приверженцем августейшей писательницы был берлинский издатель и писатель Фридрих Николаи. Критически настроенный против всякого рода иррационализма, идей «бури и натиска»,[10] пиетизма, сентиментализма, мистицизма, суеверий, преклонения перед народными преданиями, Николаи, конечно, одобрял сочинения Екатерины, направленные против «мечтаний» и «суеверий» (Schwärmerei[11] und Aberglaube), и прежде всего комедии императрицы: «Обманщик», «Обольщенный» и «Шаман сибирский». Все они вышли в его переводе в 1788 г. под общим заглавием «Три комедии против мечтаний и суеверий», с довольно пространным предисловием от издателя (16 с.). В своем предисловии Николаи сначала выражает надежду, что его германские сограждане, любящие здравый разум и просвещение, оценят по достоинству новое издание трех столь достопримечательных комедий. Потом он упоминает о своем издании «Библиотеки великих князей» (см. ниже), «благородного памятника больших талантов и материнской нежности». Николаи думает, что и эти новые плоды ума «величайшей из немецких женщин», «первой в ее роде», должны стать известными повсюду в Германии. Николаи восторгается тем, что Екатерина написала свои пьесы с явным намерением высмеять мечтания и суеверия. Он приводит довольно обширную выдержку из вышедшей в Петербурге непосредственно перед премьерой «Обманщика» статьи. Сатира на спиритизм, месме-

---

[8] Беме—Лютер сообщают лишь о первом издании ломоносовского «Летописца» в Копенгагене в 1765 г.

[9] Они вместе с французскими и другими перечислены в книге: Frenzel Elisabeth. Stoffe der Weltliteratur. Stuttgart, 1962, S. 511—514.

[10] См., например, роман Николаи «Радости молодого Вертера» («Freuden des jungen Werthers», Freystadt, 1775), представляющий собой пародию на известный роман Гете. О Николаи см.: Тронская М. Л. Немецкая сатира эпохи Просвещения. Л., 1962, с. 166—184.

[11] Немецкое «Schwärmerei» трудно поддается переводу. В слове «мечтания» отсутствует оттенок одержимости и фанатизма, присущий немецкому слову.

ризм, алхимию и т. д. в данной статье объявляется «необходимым лекарством».

Все три комедии выходили в немецком переводе уже раньше: «Обманщик» и «Обольщенный» в Петербурге (1786), «Шаман» у самого Николаи (1788).

Особенно большой популярностью у немецких издателей пользовалась комедия Екатерины II «Расстроенная семья осторожками и подозрениями» (1788). Уже год спустя у Николаи появился перевод «Der Familienzwist durch falsche Warnung und Argwohn». Это берлинское издание вошло в две так называемые «Театральные библиотеки». Такие серии, включающие остатки отдельных изданий, оригинальных тиражей или перепечатки пользующихся успехом пьес (от таких «хищнических изданий» — Raubdrucke — страдали, в частности, и Гете и Шиллер), тогда были очень распространены. «Расстроенная семья» вошла в «Немецкий театр» [12] и в «Аугспургский театр».[13]

У Беме—Лютера отмечены все упомянутые нами переводы сочинений Екатерины II, хотя не во всех их изданиях. Не зарегистрировано ими, однако, самое объемистое немецкое издание сочинений императрицы, возникшее при личном содействии автора и получившее от нее даже заглавие — «Библиотека великих князей Александра и Константина».[14] Томики этой серии, изданные Николаи, снабжены заглавными картинками-гравюрами известного художника Даниела Ходовецкого (Chodowiecki). Сначала вышел лишь первый том с отдельным заглавием «Разговоры и рассказы» («Erzählungen und Gespräche). Он открывается витиеватым предисловием, льстящим «высочайшей женщине этого времени»: «Она показывает свой великий дух во всем, в достойных удивления мероприятиях для блага ее неизмеримой державы, а также в маленьких набросках для блага ее любимейших внуков».

В конце своего предисловия Николаи сообщает, что перевод сделан очень точно, «но ему, должно быть, не хватает приятности оригинала, потому что каждый язык обнаруживает своеобразие именно в таких сочинениях, которые написаны простым стилем ежедневного обихода».

В первом томе помещена «Сказка о царевиче Хлоре» и 103 коротеньких — иногда даже в две строчки — прозаических этюда. Кроме сказок и назидательных рассказов в этих главках имеются сообщения по истории, географии, языковедению и т. д.

Второй том вышел с новым предисловием Николаи. Издатель говорит о том, что для первой книжки он получил отдельные части перевода из России и что он желал, «чтоб и в Германии

---

[12] Deutsche Schaubühne, Jg. I, Bd. 5, 1789, S. 313—416.
[13] Augspurger Theater, Jg. IX, Bd. 4, 1789, S. 313—416.
[14] Bibliothek der Grossfürsten Alexander und Konstantin von Katharina, Bd. I—IX. Berlin, 1783—1788.

удивлялись благородной простоте и прелести, с которой написаны эти статьи». «Высочайший автор оказал свое всемилостивейшее удовольствие изданием и соизволил прислать мне в рукописи перевод всего сочинения». Николаи заявляет дальше об особой ценности этой рукописи для него: она снабжена собственноручной надписью императрицы.

Во втором томе «Библиотеки» помещены следующие сочинения: 1) «Гражданское начальное учение»; 2) «Записки касательно российской истории»; 3) «Выборные российские пословицы»; 4) «Сказка о царевиче Февее».

Следующие тома «Библиотеки» (насколько я могу судить по доступным мне первым пяти томам) целиком отведены для «Записок касательно российской истории» («Aufsätze betreffend die russische Geschichte»).

* * *

Отдельной книжкой вышли переводы некоторых стихотворений Г. Р. Державина в Лейпциге в 1793 г. Переводчиком их был не кто иной, как Аугуст фон Коцебу, автор пьес, в то время имевших шумный успех (например, «Ненависть к людям и раскаяние»).

Характерно указание в заглавии, что Державин — «статский советник». Подпись под титульной гравюрой (по рисунку Боровиковского) гласит: «Гаврил Державин. Государственный муж, Поэт и Человек». В переводах Сумарокова тоже были перечислены все его чины, вместе с тем указано и то, что он состоял членом «Общества свободных искусств» в Лейпциге.

Коцебу предпослал своему переводу одиннадцати стихотворений Державина стихотворное же послание-посвящение собственного сочинения «К любезным княжнам Баденским». Оно насквозь благонамеренно и начинается с выпадов против мятежной Польши: «Близко границ Ваших Цветет злое, ядовитое растение. Имя ему междоусобие и мятеж».

В третьей строфе говорится, что песни Державина «возникли, Где героиня на престоле, Наша мать, ваша мать, Каждую снегом покрытую ель Превращает в лавровое дерево». По мнению Коцебу, каждый русский думает так же.

В предисловии («Vorbericht») Коцебу заявляет, что он думает сделать подарок публике своими переводами, потому что немцы не знакомы с русской литературой. Державина он величает «русским Клопштоком» и потому считает, что его сочинения трудны для восприятия иностранца. Переводчик полагает, что он в состоянии доказать немцам, каких успехов в поэзии достигли русские. Он при этом сознается, однако, что рифмованный перевод «Изображения Фелицы» ему не совсем удался и что он поэтому перевел все остальное белыми разностопными стихами, «не потеряв ни одной мысли поэта». В последних строках своего предисловия Коцебу сообщает, что русская муза близка к «восточ-

ному стилю» и что некоторые вещи, «которые могут показаться кому-нибудь лестью, представляют собой выражение чувств каждого русского».

Неудивительно, что усердный Коцебу переводил прежде всего стихотворения, прославлявшие Екатерину («Фелица», «Изображение Фелицы», «Благодарность Фелице», «Видение Мурзы»). Не пропущены, конечно, и хрестоматийные оды Державина «Бог» и «На смерть князя Мещерского». Полнозвучно грозную первую строфу последней оды Коцебу передал так:

Zeiten-Ruf! Glockengetöne!
Mich schreckt Deine furchtbare Stimme,
Mich rufet Dein trauriges Stöhnen,
Und rücket mich näher dem Grabe.
Kaum hab' ich das Weltlicht erblicket,
Schon knirschet der Tod mit den Zähnen,
Es blinkt wie der Blitz seine Sense,
Und mäht meine Tage wie Gras.

Наибольшей популярностью среди немецких переводчиков пользовалась ода «Бог». Эберхард Рейсснер, который исследовал переводы из русской литературы за 1800—1848 гг.,[15] зарегистрировал не менее 6 переложений этой оды. От его внимания ускользнуло, однако, одно австрийское издание — факт, которым мы хотели бы закончить свои заметки. Державинский «Бог» вышел еще в 1846 г. отдельным изданием на трех языках во Львове. Польский перевод Игнатия Шидловского издателями был взят из «Виленского ежедневника» («Dziennik Wileński»), немецкий перевод представил Алоис Уль (или Уле),[16] служивший тогда директором «школ реальных» в столице Галиции.

Наши заметки касаются забытых или малоизвестных немецких переводов русских писателей XVIII в. Мы не ставили перед собой задачи дать общую характеристику интереса к русской литературе в немецкоязычных странах. Но и тот материал, который мы привели, показывает, что Екатерина II стремилась создать на Западе представление о своей главенствующей роли в русской литературе, а некоторые немецкие литераторы ей в этом деятельно помогали.

---

[15] Reißner E. Deutschland und die russische Literatur 1800—1848. Berlin, 1970.

[16] Свой текст Уле напечатал уже в 1830 году (см.: Reißner E. Deutschland und die russische Literatur 1800—1848, S. 352).